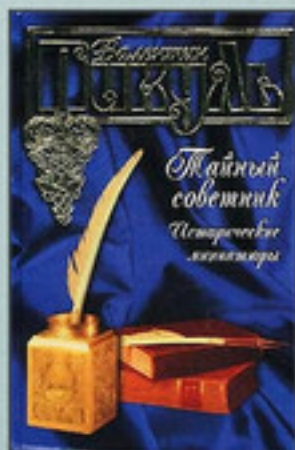

Валентин Пикуль

Зина – дочь барабанщика

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Зина – дочь барабанщика

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Зина – дочь барабанщика / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Тайный советник)

«...Если гравер делает чей-либо портрет, размещая на чистых полях гравюры посторонние изображения, такие лаконичные вставки называются «заметками». В 1878 году наш знаменитый гравер Иван Пожалостин резал на стали портрет поэта Некрасова (по оригиналу Крамского, со скрещенными на груди руками), а в «заметках» он разместил образы Белинского и... Зины; первого уже давно не было на свете, а второй еще предстояло жить да жить. Не дай-то Бог вам, читатель, такой жизни...»

Валентин Пикуль

Зина – дочь барабанщика

Если гравер делает чей-либо портрет, размещая на чистых полях гравюры посторонние изображения, такие лаконичные вставки называются «заметками». В 1878 году наш знаменитый гравер Иван Пожалостин резал на стали портрет поэта Некрасова (по оригиналу Крамского, со скрещенными на груди руками), а в «заметках» он разместил образы Белинского и... Зины; первого уже давно не было на свете, а второй еще предстояло жить да жить.

Не дай-то Бог вам, читатель, такой жизни...

В портретной картотеке у меня заложена одна фотография, которая – и сам не знаю почему? – всегда вызывает во мне тягостные эмоции: Зина в гробу! Ничего, конечно, похожего с той юной привлекательной женщиной, которую Пожалостин оставил для нас в своей гравюрной интерпретации. Давнее прошлое человека, отошедшего в иной мир, порою переживается столь же болезненно, как и нынешние наши невзгоды. Надеюсь, что историкам это чувство знакомо... Однако как мало было сказано об этой Зине хорошего, зато сколько мусора нанесли к ее порогу! Если бы великий поэт не встал однажды со смертного одра и не увел бы ее в палатку военно-походной церкви, мы бы, наверное, вообще постарались о ней забыть.

Но забывать-то как раз и нельзя. Помним же мы Полину Виардо, хотя вряд ли она была непогрешима, безжалостно вырвав талант русского романиста с родных черноземов Орловщины, чтобы ради собственного тщеславия пересадить его на скудные грядки Буживаля, – но если у нас любят посудачить об этой французской певице, то, по моему мнению, не следует забывать и нашу несчастную Зину – дочь неизвестного русского барабанщика...

Некрасов провел всю жизнь среди врагов, распространявших о нем разные небылицы. Враги и завистники никогда не щадили его. Но даже любившие Некрасова не щадили ту, которая стала для поэта его последней отрадой. Пожалуй, только великий сердцеед Салтыков-Щедрин, всезнающий и всевидящий, сразу понял, что Зина появилась в доме Некрасова совсем не случайно, и он свои письма поэту заключал в самых приятных для нее выражениях:

«У Зинаиды Николаевны я целую ручки...»

У нас почти с восхищением листают «донжуанский список» Пушкина, насчитывающий более ста женских имен, а вот Некрасову, кажется, не могут простить его подруг, старательно и нудно пережевывая мучительный разлад с Авдотьей Панаевой... «Я помню чудное мгновение» – эта строка, исполненная любовных восторгов, никогда бы не могла сорваться со струн некрасовской лиры, ибо его печальная муза скорбела даже от любви:

Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой...

Какое уж тут, читатель, «чудное мгновение»?

Правда, любить Некрасова было не так-то легко, а женщины, которых любил он, кажется, иногда его раздражали. Одна хохотала, когда ему хотелось плакать, другая рыдала, когда он бывал весел. Одна требовала денег, когда он сам не знал, как рассчитаться гонораром с кредиторами, а другая отвергала подарки, требуя святой и бескорыстной любви.

Можно понять и поэта – трудно иметь дело с женщинами!

Мы, читатель, со школьной скамьи заучили имя Анны Керн, а что скажут нам имена Седины Лефрен, Прасковьи Мейшен или Марии Навротиной, ставшей потом женою худож-

ника Ярошенко? Между тем они были, и были при Некрасове не как литературные дамы, желавшие поскорей напечататься в его журнале, – нет, каждая из них занимала в жизни поэта свое особое место. Но каждая свое особое место нагрела для другой и оставила его. Одни уходили просто так, разбросав на прощание платки, мокрые от слез, а одна умудрилась вывезти из имения поэта даже диваны и стулья, которые, очевидно, ей срочно понадобились для возбуждения приятных воспоминаний о былой страсти.

Перелом жизни – Некрасову было уже под пятьдесят.

Скажи спасибо близорукой
Всеукрашающей любви
И с головы, с ревнивой мукой,
Волос седеющих не рви.

На этом переломе времени, столь опасном для каждого человека, и появилась Зина – дочь солдата, полкового барабанщика из Вышнего Волочка, о котором мы ничего не знаем (и вряд ли когда узнаем). В ту пору она еще не была Зиной и не имела отчества – Николаевна, а звали ее совсем иначе: *Фекла Анисимовна Викторова*. Думаю, она нашла не только приют в доме Некрасова, но отыскался для нее и теплый уголок в стареющем сердце поэта. А рвать седеющих волос с его головы она не собиралась.

Анна Алексеевна Буткевич, любимая сестра поэта, в преданности которой брату нет никаких сомнений, сразу возненавидела эту Феклу, переименованную по желанию поэта. Сестра считала, что брат слишком доверчив, идеализируя подругу, которая только притворяется влюбленной, чтобы он не забывал о ней, когда придет время составлять завещание. Анна Алексеевна Буткевич даже утверждала, что дочь барабанщика стала Зинаидою не тогда, когда появилась под кровом брата, а еще гораздо раньше.

– По секрету, – сообщала она друзьям, – имя Зины эта особа обрела еще в том доме на Офицерской улице, где принято облагораживать имена всяких там Фросек, Акулек и Матрешек...

Впрочем, уже давно (и не помню) замечено, что сестра поэта слова путного не сказала о Зиночке, а потому вопрос об Офицерской улице отпадет сам по себе. Николай Алексеевич уже прихварывал, а явная, ничем не прикрытая ненависть любимой сестры к любимой им женщине, конечно, никак не улучшала здоровья поэта. Обоюдная неприязнь женщин, одинаково дорогих для него, была мучительна. Чтобы не досаждать сестре, Некрасов еще в 1870 году, на заре своих отношений с Зиной, посвятил ей стихи, но само посвящение утаил в буквах: з-н-ч-к-е.

Остались ее фотографии тех лет. Зина была девушкой стройной, румяной, веселой, благодушной и скромной, с ямочками на щеках, когда она улыбалась. С ней было легко. Сенатор А. Ф. Кони, наш знаменитый юрист, увидев однажды Зину, сразу понял, что она глубоко предана поэту и с ней поэту всегда хорошо. Иные же писали, что внешне Зина напоминала сытенькую, довольную жизнью горничную из богатого господского дома, которую гости не прочь тронуть за подбородок, сказав в умилении:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.